
Мотель

Чу Сюнь молча наблюдал за тем, как Ло Хуай, точно зная свою цель, проскользнул к кровати и молниеносно зарылся в одеяло. Юноша проявил завидную тактичность: он занял лишь узкую полоску у самого края, свернувшись калачиком, словно робкий зверёк, который боится даже дышать в чужих владениях.

Свет в комнате был тусклым, зыбким, превращая предметы в неясные тени. Ло Хуай едва заметно затрепетал ресницами; он успел лишь мельком увидеть точёный профиль Чу Сюня, приближающегося к нему против света, и его ключицы, белевшие в глубоком вырезе расстёгнутой рубашки.

Взгляд юноши словно наткнулся на раскалённую сталь — он поспешно отвернулся, пряча вспыхнувшее лицо.

Мужчина опустился на край постели рядом с ним. Он лениво, почти рассеянно коснулся влажных кончиков волос Ло Хуая и негромко произнёс:

— Волосы вытри. Не хватало ещё, чтобы ты мне всю постель намочил.

Чу Сюнь провёл подушечками пальцев по затылку юноши, задержавшись у самого основания шеи. Его взгляд оставался бесстрастным, а вид — предельно серьёзным. Ло Хуая прошибло током от этого мимолётного касания. Лишь спустя мгновение он осознал смысл сказанных слов. Он долго, во все глаза смотрел на Чу Сюня, а затем в замешательстве пробормотал:

— Мне... мне принести полотенце?

Чу Сюнь промолчал.

Ло Хуай неловко опустил голову, собираясь встать и уйти в ванную, но тяжёлая ладонь мягко, но властно прижала его к матрасу.

Мужчина потянул край пушистого одеяла, укутывая юношу, а затем его рука скользнула ниже, к лопаткам. Он медленно развязал узел полотенца, в которое был обёрнут Ло Хуай, и, подхватив свободный край ткани, принялся осторожно вытирать его мокрые волосы.

Пальцы юноши впились в простыни, сминая ткань в тугий ком. Он зажмурился и покорно склонил голову, боясь даже пошевелиться. Подушечки пальцев Чу Сюня, всё ещё хранившие

влагу, неспешно скользили за ушами, то и дело задевая чувствительную кожу шеи. Каждое такое прикосновение отзывалось в его теле нежной, томительной дрожью.

Ло Хуай не выдержал и издал тихий, сдавленный стон.

Эта двусмысленная, тягучая нежность была почти невыносима.

Спустя вечность Чу Сюнь отстранился.

— Готово. Спи. Спокойной ночи.

Ло Хуай замер в ошеломлении.

«...?!»

Ощущая себя загнанным в угол, он в отчаянии вскинул руки и обхватил Чу Сюня за талию. Юноша не находил слов; он лишь судорожно сжал объятия, едва ли не вжимаясь в мужчину всем телом. Точно преданный пёс, выпрашивающий ласку, он потерялся лицом о грудь собеседника, а затем, приподнявшись, спрятал нос в изгибе его шеи.

Холодные губы Ло Хуая едва не коснулись обнажённой кожи.

Кожа у Чу Сюня была светлой и тонкой — настолько, что при таком близком расстоянии можно было разглядеть синеватую сетку вен. На первый взгляд он казался уязвимым, но никто в здравом уме не рискнул бы назвать его лёгкой добычей.

Юноша не осмелился на полноценный поцелуй. Он лишь прикрыл глаза и нежно прижался кончиком носа к щеке мужчины, замирая в немой мольбе.

Чу Сюнь неспешно положил ладонь на поясницу Ло Хуая и прищурился. В неверном свете лампы его глаза отливали глубокой синевой, напоминавшей беспокойное ночное море.

— Ну и чего же ты добиваешься своей лаской, Ло Хуай? — в приглушённом голосе мужчины сквозила явная насмешка.

Поняв, что тот не злится, а скорее забавляется, юноша немного приободрился. Он набрался смелости и робко коснулся губами его кадыка.

— Гэгэ... — прошептал он, — можно мне тебя поцеловать?

Чу Сюнь терпеть не мог, когда кто-то прикасался к его шее. Окажись на месте Ло Хуая кто-то

другой, комната бы уже была залита кровью... причём сам Чу Сюнь остался бы безупречно чист.

Но сейчас, когда юноша в его объятиях то ластился, то замирал от страха, он лишь слегка запрокинул голову, позволяя Ло Хуаю продолжить. Одновременно с этим его хватка на талии юноши стала жёстче, оставляя на бледной, почти фарфоровой коже алеющие следы.

Чу Сюнь позволил ему перейти все границы. Но, по крайней мере в этот миг, он не собирался вышвыривать Ло Хуая из своей жизни, как когда-то выставил за дверь кошку Принцессу.

Тот напоминал щенка, который не может надыхаться близостью хозяина. После поцелуя юноша украдкой потерся лицом о плечо мужчины и виновато посмотрел ему в глаза.

— Поцеловал. И что дальше?

Чу Сюнь опустил веки, не сводя взгляда с Ло Хуая. В его глазах вспыхнул опасный, манящий блеск. Мужчина чуть склонился, и его красивое лицо озарила едва заметная, дьявольская усмешка.

— Как ты меня только что назвал? — вкрадчиво переспросил он.

— Гэ... Гэгэ...

Ло Хуай запнулся, так и не решившись озвучить свои истинные желания.

Чу Сюнь невозмутимо приобнял его одной рукой. Рукава его белой рубашки были небрежно закатаны до локтей, создавая образ строгий и одновременно волнующий. Он стоял в полосе лунного света, и его холодные, безупречные черты лица казались почти нереальными.

Казалось, его ничуть не смущала сложившаяся ситуация.

Тонкая ткань рубашки обрисовывала линии его тела, подчёркивая узкую талию и крутой изгиб подвздошной кости — ту самую линию, которую называют «изломом талии». Этот безупречный переход казался Ло Хуаю невероятно притягательным. Он не помнил, от кого слышал, что это место — само искушение, и если закинуть на него ноги...

«Проклятье...»

Он в отчаянии зажмурился.

«Почему он совершенно не реагирует?»

В памяти всплыли слова Чу Сюня, сказанные во время перевязки:

— Твоё нынешнее тело меня не интересует.

Ло Хуай поник. Помедлив, он в приступе нелепой обиды отпихнул одеяло и спросил с детским надрывом:

— Тебе и впрямь... совсем не интересно?

Чу Сюнь промолчал. Его взгляд медленно скользнул вниз, задержавшись на полоске ослепительно белой кожи на животе юноши. Мужчина тихо вздохнул.

Он протянул руку и снова заботливо укрыл его отброшенным одеялом. Его длинные пальцы через мягкую ткань коснулись позвоночника Ло Хуая. За последние годы тот натерпелся столько бед, что его тело, хоть и вытянулось, осталось болезненно худым. Острые лопатки ощущались под ладонью Чу Сюня точно изломанные горные хребты.

Мужчина не стал отвечать на вопрос. Вместо этого он просто наклонился ниже.

Тень Чу Сюня накрыла Ло Хуая, и прежде чем тот успел что-то сообразить, мужчина мимолётно коснулся губами уголка его рта. А затем — едва заметно и насмешливо улыбнулся.

— Я никогда не говорил, что мне не интересно... Но на твоём месте я бы молился, чтобы это было правдой.

Ло Хуай замер, ошеломлённый. Он посмотрел на одеяло, которым его укутали, и в голове промелькнула безумная догадка. Он вскинул взгляд на мужчину и едва слышно прошептал:

— Гэгэ... тебе что, больше нравится, когда на мне есть одежда?

В этот миг он снова превратился в прилежного ученика, который боится упустить важное замечание учителя.

— Тогда... мне нужно расстегнуть пуговицы? Или надеть что-то особенное? Если я сейчас надену рубашку, ещё не поздно?.. М-м...

Договорить он не успел: Чу Сюнь просто зажал ему рот ладонью.

Ло Хуаю всегда казалось, что от Чу Сюня исходит тонкий, едва уловимый аромат мяты и заснеженного леса. Сейчас этот запах, струившийся от его пальцев, полностью завладел чувствами юноши.

То ли этот аромат подействовал на него как дурман, то ли разум окончательно помутился, но Ло Хуай неосознанно прикусил ладонь мужчины. Он слегка сжал зубами мягкую кожу, издавая невнятные, капризные звуки.

Чу Сюнь досадливо прицкнул языком и, перехватив инициативу, протолкнул пальцы глубже, заставляя Ло Хуая замереть. Бесстрастные прежде глаза мужчины подёрнулись дымкой пробудившегося желания, и весь его облик стал пугающе притягательным.

Он подумал, что исчезнуть наутро после такого будет не слишком красиво, но Ло Хуай сам, без оглядки, прыгнул в расставленную ловушку.

«Ладно. Пусть будет так»

Чу Сюнь переплёл свои пальцы с пальцами юноши — этот жест мог быть как знаком близости, так и оковами. Затем он с силой надавил на макушку Ло Хуая, заставляя его мягкие волосы шелком проскользнуть сквозь пальцы.

Тот невольно прогнулся в пояснице. Чу Сюнь коснулся губами его виска и с тихой усмешкой спросил:

— Ну что, теперь ты видишь мой интерес?

Дыхание Ло Хуая прервалось. Спустя вечность из его горла вырвался едва слышный ответ, после чего в комнате воцарилась тишина. Его свободная рука мертвой хваткой вцепилась в ладонь Чу Сюня; их переплетённые пальцы напоминали годичные кольца на срезе дерева, сросшиеся навек.

Мужчина нежно погладил Ло Хуая по щеке, стирая подушечкой пальца дрожащую слезу в уголке глаза. А затем он притянул юношу за талию, глядя, как на его лице расцветает лихорадочный румянец.

Чу Сюнь опустил взгляд и приник губами к вздрагивающим лопаткам своего спутника. Ночная тьма стала их надёжным укрытием, поглощая сдавленные стоны Ло Хуая. Когда юноша на миг открыл глаза, он увидел в серебристо-синих зрачках Чу Сюня своё собственное отражение — и замер, окончательно покорившийся этой бездне.

...

Прошло немало времени, прежде чем Ло Хуай пришёл в себя и поспешно зарылся обратно под одеяло.

Теперь ему не нужны были слова — он притих и больше не пытался капризничать. Чу Сюнь негромко рассмеялся, методично застегнул пуговицы на рубашке и выудил юношу из-под

одеяла.

Щеки Ло Хуая всё ещё пылали. Чу Сюнь шутливо ущипнул его за край уха и скомандовал:

— Иди умойся.

Ло Хуай отвел взгляд и едва слышно пробормотал:

— Я... я всё проглотил.

Голос его звучал пугающе хрипло.

Чу Сюнь невозмутимо коснулся кончиком языка собственных губ и не выдержал — коротко, но искренне усмехнулся.

Иногда он и сам не понимал: делает ли Ло Хуай это нарочно или он просто... настолько одарён от природы.

Тем не менее, юноша послушно закутался в полотенце и побрёл в ванную. Но на полпути он высунул голову в дверной проем и, побулькав водой во рту, неразборчиво выкрикнул:

— В следующий раз... я подготовлюсь... и приду снова!

Сказав это, они оба почувствовали себя ужасно глупо и одновременно рассмеялись.

Эта ночь, несмотря на дождь и снег за окном, выдалась на редкость тёплой. Ло Хуай заснул, прижавшись к плечу Чу Сюня. Для него не имело значения, что творится в мире — пока этот мужчина был рядом, даже ледяная пустыня казалась раем.

А Чу Сюнь так и не сомкнул глаз.

Он никогда не позволял себе спать, если рядом находился кто-то другой, но сегодня причина была иной.

Сюжетная линия, очерченная Системой 059, подошла к концу. У него больше не оставалось времени в этом мире.

Всего двадцать четыре часа.

В тот миг, когда таймер обнулится, миссия будет признана проваленной, и он вернётся в

Пустоту, чтобы навсегда остаться её пленником.

Когда Ло Хуай проснулся утром, Чу Сюнь уже ждал его внизу. Юноша наскоро оделся и сбежал по лестнице; в руки ему тут же сунули стакан с горячим шоколадом.

Стоило ему открыть рот, как Чу Сюнь коснулся пальцем его кадыка и многозначительно произнёс:

— Раз голос сел, лучше помалкивай.

Ло Хуай послушно замолк и принялся крохотными глотками пить свой напиток.

Чу Сюнь распахнул перед ним дверцу машины. Юноша устроился на пассажирском сиденье; он не знал, куда они направляются и продолжится ли их странное, похожее на побег свидание. Он помнил, что вчера Чу Сюнь велел ему сегодня же покинуть Ного и отправиться в Одиннадцатый округ.

Ло Хуаю хотелось провести с мужчиной ещё хотя бы немного времени, но он понимал, что дела не ждут. Скорее всего, Чу Сюнь просто везёт его обратно.

Так и оказалось — они возвращались в город.

В отличие от вчерашнего дня, в машине царил тишина. Печка работала на полную мощность, в салоне было тепло и уютно. Юноша опустил голову, и вскоре веки его отяжелели.

Внезапно он почувствовал неладное: сонливость была слишком резкой, неестественной. Ло Хуай попытался ухватиться за край одежды Чу Сюня, но рука не послушалась. Пустой стакан с какао с глухим стуком выпал из его пальцев на пол.

Чу Сюнь мельком взглянул на него, и выражение его лица было невозможно прочесть.

<http://bllate.org/book/15843/1433897>